

Вновь взглянув в объектив камеры, он обнаружил, что Мо Синчжи уже находится в санузле, примыкающем к больничной палате.

Сначала он запер дверь.

Он бросил взгляд в зеркало — зрачки сузились.

Уголки губ слегка опустились, очерчив слабую дугу. Мо Синчжи вдохнул носом, три секунды смотрел на своё отражение в зеркале и лишь затем отведёл взгляд.

Затем он подошёл к унитазу и начал стягивать штаны.

Несколько камер одновременно снимали его: одни ловили каждую эмоцию, проскальзывающую в его глазах, другие фокусировались на его длинных и изящных руках, держащих пояс штанов, третьи делали крупный план его обнажённого пресса, а четвёртые опускали угол, чтобы снять его ноги ниже колен.

Широкие больничные штаны медленно сползли вниз, остановившись на лодыжках, обнажив мускулистые икры.

Теперь на Мо Синчжи остались только плотно облегающие чёрные трусы.

Спереди выпирал внушительный бугор, привлекая внимание.

Мо Синчжи опустил голову, руки всё ещё держали поднятую рубашку, его лицо выражало шок и растерянность, всё тело мгновенно окаменело.

— Как так... Как это могло получиться настолько уродливым...

С отвращением в голосе он произнёс написанную сценаристом реплику.

— Стоп!

Мо Синчжи посмотрел на режиссёра Ге мёртвым взглядом.

Режиссёр Ге, сидя за монитором, громко крикнул:

— В этой реплике не хватает глубины! Твоё отвращение слишком натянуто, слишком поверхностно, совсем не глубокое!

Поняв, что объяснять словами бесполезно, режиссёр Ге встал со стула, быстрыми шагами подошёл к Мо Синчжи и с искренним сочувствием сказал:

— Мы оба мужчины, я понимаю, как сложно притворяться... Но твой персонаж — не взрослый, который гордится своими достоинствами, а ребёнок, которого преждевременно заставили повзрослеть! Поэтому отвращение должно быть искренним! Ты должен вжиться в роль!

Закончив, режиссёр Ге с завистью и досадой взглянул на внушительный бугор в штанах Мо Синчжи, вздохнул и вернулся на своё место, устремив взгляд на экран:

— Снимаем ещё раз!

Мо Синчжи промолчал.

Он закрыл глаза, чтобы собраться с мыслями, затем снова натянул штаны, подошёл к унитазу и повторил всю сложную и тонкую игру эмоций, снова снял штаны и произнёс:

— Как так... Как это может быть...

На этот раз он даже не успел произнести «настолько уродливым», как снова услышал:

— Стоп!

Режиссёр Ге уже всё объяснил, поэтому не стал повторяться, только крикнул:

— Глубже! — и потребовал начать сначала.

Мо Синчжи, который до этого снимался практически без дублей, на этот раз столкнулся с настоящим провалом. Штаны то снимались, то надевались, снова и снова. Как сказал режиссёр Ге, всегда чего-то не хватало — ведь даже малейшая неточность может оттолкнуть зрителя.

Ван Цзысяо, который всё это время наблюдал за съёмками, наслаждался зрелищем, но в глубине души чувствовал всё большее раздражение.

Чёрт возьми, если бы этот парень не был его возлюбленным, Ван Цзысяо, обычно терпеливый и великодушный, давно бы уже дождался тёмной ночи и накинул бы на него мешок!

Что ты там вообще катишь!

Что в этом такого сложного!

Ты что, хвастаешься, да?

Даже произнести реплику о том, что твой «друг» уродлив, ты не можешь без неохоты... Знаешь ли ты, что если бы я играл эту роль, я бы справился с первого дубля!

С максимальной глубиной и болью!

Я бы заставил зрителей почувствовать это и пролить слёзы сострадания...

Съёмки этой сцены заняли два часа, пока резинка на больничных штанах Мо Синчжи не начала терять эластичность, и только тогда режиссёр Ге милостиво дал команду «снято».

Произнеся реплику, Мо Синчжи даже не стал придерживать себя рукой, но, не в силах сдержать физиологическую реакцию, позволил своему «другу» сделать своё дело, а затем подал команду умному унитазу начать процесс самоочистки.

Конечно, сам процесс «испускания воды» был снят с помощью реквизита, и никто не требовал, чтобы Мо Синчжи действительно демонстрировал свои достоинства перед всеми.

— Брат, редко увидишь, как ты так часто срываешь дубли, — подошёл Ван Цзысяо с лёгкой насмешкой в голосе.

— Что поделать, — на лице Мо Синчжи появилось выражение досады, — эти реплики слишком неестественные, мне сложно уловить эмоции, которые должен испытывать Вэнь Чэнъань...

— Хе-хе, — Ван Цзысяо с трудом сглотнул обиду и, поддавшись мужской гордости, сделал вид, что понимает:

— Да, слишком неестественные. Ты уже сделал всё, что мог. Если бы на твоём месте был я, наверное, срывал бы дубли ещё чаще.

— Именно так, — Мо Синчжи, убедившись, что поблизости никого нет, понизил голос:

— Ведь у тебя есть... кхм... более выдающиеся таланты, так что подобные переживания тебе сложнее понять...

Вдалеке ассистент режиссёра Ге, Сяо Цяо, вдруг удивился:

— Эй, только что всё было нормально, почему эти двое вдруг подрались?

Или, точнее, это Ван Цзысяо набросился на Мо Синчжи, яростно колотя его по голове, а Мо Синчжи, смеясь, едва успевал уклоняться, не пытаясь дать сдачи.

Режиссёр Ге, не отрывая взгляда от экрана, равнодушно произнёс:

— Молодёжь, вот это и есть юность!

Сяо Цяо задумчиво заметил:

— Похоже, они действительно близки. Я всегда думал, что Мо Синчжи — человек очень холодный...

После съёмок этой сцены, не говоря уже о других, вся съёмочная группа «Полёта Маньмань», от актёров до массовки, включая костюмеров и декораторов, узнала, что Мо Синчжи не только невероятно красив, но и обладает внушительными достоинствами!

Бог явно благоволит к нему.

Постепенно в съёмочной группе начали появляться люди, которые намеренно одевались легко и проходили мимо Мо Синчжи, нанося на себя соблазнительные ароматы. Лёгкий ветерок разносил их запахи, и это полностью соответствовало известной реплике: «То, что недоступно, всегда волнует».

Учитывая возраст Мо Синчжи, вероятность того, что он всё ещё девственник, была очень высока. А всем известно, что девственники — самые лёгкие объекты для соблазнения. Они не претендовали на вечную любовь с Мо Синчжи, но разве нельзя надеяться хотя бы на одну ночь страсти? Красные конверты и рис с красной фасолью они уже приготовили!

Ван Цзысяо, видя, как вдруг появилось множество «соперников», просто кипел от злости!

Как вы, бесы, смеете заглядываться на то, что уже занято?

Не знаете, что это смертельно опасно.

Он мысленно записал Мо Синчжи в свой чёрный список: этот соблазнитель бабочек, подожди, когда наши отношения станут официальными, я тебе покажу!

Но, как бы то ни было, сейчас главное — разобраться с нагрянувшими проблемами.

И поскольку он всё ещё находится в подполье, без официального статуса, он не может открыто заявить о своих правах.

Поэтому решение должно быть скрытным.

И, желательно, раз и навсегда, ведь у него нет времени возиться с этими мелкими птичками, это ниже его достоинства.

В последующие дни в съёмочной группе «Полёта Маньмань» начали происходить мелкие неприятности.

То у кого-то ломается каблук, и они растягивают ногу, то кто-то покупает поддельную маску для лица и чуть не портит кожу. Или их обманывают мошенники, крадут кошельки, пугают случайной змейй, которая чуть не вызывает сердечный приступ, или их ловит жена человека, с которым они пытались завести роман...

Короче говоря, все, кто недавно пытался соблазнить Мо Синчжи, в той или иной степени пострадали.

Затем стали распространяться загадочные предсказания из «Книги Перемен», и никто не знал, откуда они взялись.

Предсказаний было около десятка, и все они были довольно интересными.

Например, если у человека шрам на брови, это означает, что он рано потерял мать, но в зрелом возрасте его ждёт финансовый успех.

Или если на лбу есть тонкие морщины, это говорит о трудном детстве, но во взрослой жизни всё изменится к лучшему.

А если на губе есть родинка, это указывает на сильное либидо и удачу в любви.

Те, у кого были подобные черты, сравнивали их с собой и удивлялись:

— Ух ты, это точно про меня!

<http://bllate.org/book/16623/1521890>